

Таврида

Таня Тавагрий

**КОГДА Я БУДУ
СМОТРЕТЬ В ГОЛУБОЕ НЕБО**

Таврида

Таня Тавогрий

**Когда я буду смотреть
в голубое небо**

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Тавогрий Т.

Когда я буду смотреть в голубое небо / Т. Тавогрий — «ИП
Березина Г.Н.», 2019 — (Таврида)

ISBN 978-5-00153-107-4

Что остаётся от нас после смерти? Что такое смерть? Какие воспоминания вы выносите из детства? Как они влияют на вашу дальнейшую жизнь? Опыт потери, расставания, болезни и похорон матери, описанный Таней Тавогрий в повести «Когда я буду смотреть в голубое небо», становится для героини решающим. Переворачивает её отношение ко многим вещам в жизни и в прошлом, в результате чего она начинает путь от смерти к любви...

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-107-4

© Тавогрий Т., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Таня Тавогрий

Когда я буду смотреть в голубое небо

© Таня Тавогрий, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

...Таким образом, отпадает загадочное стремление организма, как будто не стоящее ни в какой связи ни с чем, самоутвердиться во что бы то ни стало. Остается признать, что организм хочет умереть только по-своему: и эти «сторожа жизни» были первоначально слугами смерти».

Зигмунд Фрейд, «По ту сторону принципа удовольствия»

Я часто думаю – с чего всё началось?

С того сна в середине августа?

Или задолго до всех событий, когда мама начала часто говорить: «Мне уже пора, я не боюсь смерти, я могу умереть, когда захочу»... В семьдесят лет она съездила в паломническую поездку на остров Валаам, где прошла её юность – мама была очень религиозна – после чего и начала пугать близких подобными утверждениями.

Это в наше время остров Валаам – известное место, монастырь, а вот когда маме было двадцать, там, в бывших монастырских стенах, находился дом для душевнобольных и инвалидов войны, и мама – выпускница Ставропольского медучилища – работала в нём медсестрой. Возможно, именно эта страница жизни стала решающей в выборе профессии – позже она стала психотерапевтом. Поездка на Валаам в конце жизни для неё оказалась встречей с давно ушедшей юностью. Что-то произошло с ней после этого, может быть, какой-то душевный надлом или, наоборот – успокоение, как будто она совершила круг и пришла в исходную точку.

В остальном никаких причин думать о её смерти не было. Род наш – из долгожителей. Бабушка моя умерла в восемьдесят пять, прадед – в восемьдесят семь, прадед по дедушкиной линии – в девяносто, и то только потому, что на него рухнула стена стадиона во время футбольного матча, под которой он сидел, активно болея за команду родной станицы Новоалександровки. За семьдесят лет своей жизни мама не потеряла ни одного зуба – только пара пломб, и всё – никаких коронок, мостов и прочих глупостей. А ведь именно зубы – первое, что разрушается в нашем организме, напоминая, как недолговечно и подвержено необратимому разрушению наше тело. Так что у человека с хорошими зубами есть все шансы впасть в иллюзию бессмертия. Когда мы семьёй шли гулять, она бежала впереди меня и внуков, озираясь, поддразнивая нас: «Ну что вы так медленно? Не угнаться за бабушкой?» Придерживалась здорового образа жизни, увлекалась то лечебным голоданием, то сыроедением, была очень требовательна к своему организму, а также к организму детей и своих пациентов. С детства я помню эти железные принципы: нельзя валяться в постели, после того как проснулся; нельзя спать днём; просыпаться надо в шесть утра, после этого – делать зарядку, бегать по парку, обливаться ледяной водой; обязательно надо регулярно дня по три голодать или хотя бы соблюдать пост; ходить босиком. Болезнь, начиная с обычного ОРЗ и до более серьёзных вариантов, подвергалась полному презрению. Лучшее лекарство в её понимании было – пройти километров двенадцать по пересечённой местности.

Странно при этом, что волосы она много лет не красила. Принципиально ходила седой. Мама очень рано поседела – в тридцать лет – и после этого долго красилась в чёрный цвет, а потом ей это надоело. В сорок вышла замуж за моего отчима и перестала красить волосы. В

сорок четыре ходила беременной моим братом, вся седая, в спортивных штанах, держащихся на её животе с помощью подтяжек, и в канареечно-жёлтой куртке, вызывая удивление у прогуливающих по парку курортников. Это был 1981 год, и манера одеваться в нашей стране в то время была крайне консервативной, так что публику в городе она шокировала достаточно. Это очень её веселило. Ей тогда оставалось жить двадцать семь лет.

В религию она ударилась лет в пятьдесят. Со всей своей страстностью. Дмитрий Александрович – её муж и мой отчим – был против. Наверное, не мог простить, что теперь придётся делить её с другим мужчиной – с Богом. Мало кто готов на такую жертву. Он и не был готов. А она постилась, ходила на службы, молебны и категорично требовала того же от всех домашних, за исключением мужа.

Веру её не поколебало мое крайне неудачное замужество, которое было со всех сторон правильным, православным, освящённым, с венчанием и которое окончилось скандальнейшим разводом.

Выходила замуж я за набожного иконописца, аборт не делала, более того, мы с мужем и не предохранялись, по его, правда, инициативе – он считал и это грехом. В итоге – пятеро детей, жуткое безденежье, граничащее с нищетой, копеечные заработки мужа, работавшего в церкви и только теперь узнавшего, что батюшки очень не любят расплачиваться с работниками так, как того стоит их труд. Муж мой, писавший прекрасные иконы, получал «пожертвования от неизвестных боголюбцев» – так почему-то называл его зарплату священник. Да она и по размеру была как пожертвования. Я потом всё думала: что это за игра была такая со стороны батюшки? Произнося эти слова и отдавая деньги, вынутые из ящика для сбора средств на украшение храма, он, наверное, видел себя по меньшей мере Николаем Угодником. Ведь он давал деньги анонимно – не от себя лично, давал очень бедной семье. По его мнению, это было красиво. Это было – почти по житию. Ну а с желанием отца-настоятеля видеть себя приближающимся к святым не поспоришь. Приходилось терпеть и молчать. Из-за этого ли или другие причины были, но со временем начались безобразные скандалы дома, очень быстро скатившиеся к банальному мордобитию. Дети рождались, скандалы учащались, проблемы захлёстывали... Отец-настоятель разводил руками на мои жалобы: «Как знать, не спасёт ли жена мужа своим терпением...» Когда родился пятый ребёнок, а муж стал колотить меня регулярно раз в неделю, я начала процедуру развода. Разводили нас долго, но в итоге брак был расторгнут. Потом было ещё несколько судов. Муж, не умеющий зарабатывать деньги, пытался отсудить квартиру, потом мы судились по причине неуплаты алиментов... В общем, всё как у всех – неправославных. Никаких отличий. Отличие только в количестве детей.

После развода я перестала ходить в церковь. Не получала я там ни поддержки, ни помощи, ни понимания. «Венец – это твой крест, им спасёшься. Терпением, чадородием и себя спасешь, и мужа», – это я слышала на каждой исповеди. А я не захотела спасать мужа, который как-то спасаться сам не желал. После развода отношение ко мне со стороны местного клира стало заметно отличаться от прежнего. Оно стало каким-то удивлённо-опасливым, что ли. Как будто я оказалась перебежницей в другой лагерь – нетерпеливых, несмиранных, почти вероотступниц. И в церкви меня стали сторониться. Мама же была непоколебима. Она ходила на все службы, праздники, подавала записочки о здравии и упокоении. Потом стала ездить по монастырям. Одна или с кем-нибудь из своих подруг, бывших пациенток. Иногда брала с собой кого-нибудь из внуков, чаще Марка – среднего моего сына – и ехала.

Работая врачом-психотерапевтом, мама Фрейда ненавидела как личного врага. Примерно так же, как соседку сверху – впавшую в маразм старушку, которая регулярно забывала закрыть кран и её заливала. Вот где-то так же она относилась и к основателю психоанализа. Транзактный анализ, гештальт, бихевиоризм – всё это был для неё пустой звук. Мама видела свою роль врача в одном – вести людей к Богу. Психотерапия заключалась в убеждении признать свою греховность, испытать стыд и вину по этому поводу, увидеть свою неспособность

самостоятельно решить проблемы и найти утешение в церкви. Это противоречило любой психотерапевтической школе мира. Нет, не любой. Программа «Анонимных алкоголиков» вполне совпала с её представлениями. И надо признать, пациентам это иногда помогало. Хотя чаще клиентки становились подружками. Мама разговаривала с ними часами по телефону, поддерживая, утешая, много лет они ходили вместе в церковь, совершали паломничества. А может быть, она находила в каждом пациенте-друге ребёнка, которого надо воспитывать, наставлять, и это было гораздо проще и приятнее, чем воспитывать собственных детей, потому что пациенты не могут взбунтоваться и гораздо благодарнее нас за воспитательный процесс. Со мной никто часами не говорил, не поддерживал в трудные минуты и не сочувствовал. Мама только укоряла или насмехалась. Так как я после развода была одинока, это её очень тревожило, а тревогу свою она выражала привычным способом – через раздражённое подтрунивание. Называла меня «беспривязной козой», в том смысле, что любая свободная женщина похожа на козу без привязи, бродящую по окрестностям безо всякой цели и смысла. И ещё из-за того, что я родилась в год Козы, и это обстоятельство тоже служило дополнительным поводом для насмешек, в случае моего неудобного для её спокойствия поведения.

Свою мать она так же задавила характером. Они всю жизнь прожили вместе – неразрывные, как сямские близнецы, спаянные бабушкиной любовью к своей дочери, так что даже сыновья обижались на неё. Но бабушка всегда была при ней. Вела хозяйство, готовила, убирала, нянчила меня, выполняя всю домашнюю работу.

Когда бабушка умерла, мама не поехала после похорон больше на её могилу ни разу. Через несколько лет на дальнем кладбище, где та была похоронена, был пожар, огнём уничтожило надписи на крестах, и бабушкину могилу мы больше так и не нашли. Просто не помнили – где она, как выглядит.

Я очень злилась на мать из-за этого. Бабушку я любила. Это она сидела рядом с моей кроватью во время детских болезней, и её сморщенная, сухая ладонь ложилась на мой лоб, чтобы проверить – упала ли температура, когда мама вечно была занята. Бабушка пекла блины, варила борщи, вообще готовила в нашей семье она – после её смерти маме пришлось научиться этому. Не скажу, что это была очень успешная учёба. Мама обладала страстью к экспериментам, и рецепт из любой поваренной книги переиначивала, добавляя то изюм, то цукаты, то пряности непомерно, отчего блюдо далеко уходило от оригинала и съесть какой-нибудь кулинарный опус бывало сложно. К тому же она не отличалась тщательностью в шинковке, и всё было накрошено слишком крупно – капуста в борще, лук в супе, а морковь она вообще не могла никогда почему-то дорезать до конца. И в бульоне или овощном рагу вечно были куски моркови, напоминавшие оранжевые веера – не дорезанные до конца ломтики разворачивались во время варки. Солёные огурцы в рыбный рассольник она кидала в последнюю минуту и сразу же выключала газ, полагая, видимо, что огурцы – это что-то типа зелени и варить их не нужно, отчего к утру весь суп от квашеных огурцов прокисал и отправлялся в унитаз, а в следующий раз она допускала ту же ошибку. Но она отважно варила, жарила и к концу жизни начала печь пироги – смогла-таки добиться более-менее сносного варианта теста, и начинка была всегда вкусная, хоть и необычная – тушёная капуста с грибами, но ещё почему-то приправленная красными, горчащими ягодами калины, или яблоки с изюмом, курагой и орехами, щедро обсыпанные корицей. Обычные пирожки с картошкой – коронное бабушкино блюдо – она принципиально не делала, очевидно из-за простоты рецепта, который шёл в разрез с её неумной экспериментаторской натурой.

Бабушка была массажисткой. Сколько я помню в детстве – к ней на дом всегда приходили клиентки. Она делала массаж, укладывая их на старенький диванчик и при этом неумолчно рассказывая бесконечные истории из жизни – своей и давних клиентов. Истории эти были сугубо житейские, и я, по обыкновению игравшая рядом, познавала самые разнообразные стороны жизни:

– ...А детей у них не было, хоть и занимал он в крайкоме партии такой пост, – когда мы ещё жили в Ставрополе, бабушка работала в поликлинике четвёртого управления и обслуживала в основном партийную верхушку, отсюда и знала бесконечное множество историй из жизни работников крайкома партии. – Жена была виновата – по-женски что-то там у неё было не так – то ли загиб матки, то ли киста. – Я, играющая рядом, впитываю в себя патанатомию безо всякого медицинского института. – А он загулял как-то с простой санитарочкой из нашей поликлиники, – продолжает бабушка, ловко массируя спину клиентке, – и она мальчика родила. Вначале жена в обмороки падала, ну что поделать – ребёнок родился, никого не спросился. Так получилось. А потом время прошло – стали они у этой санитарки просить сына себе. Она была женщина бедненькая – отдала. А кто-то её надоумил: «Дура, забери ребёнка обратно да на алименты подай, у него зарплата-то какая!», – она скандал закатила и забрала обратно... А вскорости – умерла, да как-то странно. Ребёнок к отцу в семью и вернулся...

Я, отвернувшись к плюшевым собакам и мишкам, которые пьют чай из кукольной посуды, не дыша, слушаю захватывающую историю. Когда позже, гораздо позже, появились на наших экранах мексиканские и бразильские сериалы, я с удивлением поняла, что все сюжеты в разных странах мира повторяются, и все они звучали в бабушкиных рассказах:

– ...сделали, значит, они ремонт, – рассказывает бабушка уже другую историю, а руки её тем временем ловко и беспощадно мнут тело следующей клиентки, – позвали уборщицу помыть полы, прибрать после рабочих. Она убирала-убирала, да и припозднилась. Надо домой идти, а ночь на дворе, страшно, муж и вызвался её проводить, да по дороге... изнасиловал! Представляете – уборщицу, когда дома жена в пеньюаре сидит, роман читает, его ждёт. Так суд был! Знаете, что он на суде сказал? «Я иду рядом, а от неё потом пахнет! Вот и не смог удержаться!». Подумать только – потом! Вот что этим мужикам надо? Дома жена духами пахнет, не, не то, а вот баба простая, потом воняющая – подавай! Потому что нельзя им одно и то же предлагать каждый день. Наверное, жене надо было когда-нибудь полы помыть, вспотеть, может всё бы у них и наладилось.

Взрослые смеются, я делаю вид, что ничего не поняла, хотя всё, конечно же, понятно. Анекдоты бабушка любила и рассказывала их с огромным удовольствием:

– Армянин приехал в другой город в командировку на месяц. Работает там, ну скучает, конечно. Как-то идёт вечером по городу, видит – вывеска ресторана «Всё как дома», он зашёл, сел за столик. Подходит официантка, вся такая фифа, с причёской, в туфельках, спрашивает: «Что будете заказывать?» Он ей отвечает: «Слуший, дарагая, подай мне недожаренное мясо, пережаренный картошка, и прям на сковородке!». Она возмущается: «Мы такого не делаем». «Ну очень прошу – долго дома не был, пожалуйста! Любые деньги плачу!» Ладно, подали ему на сковородке, как просил – недожаренное мясо с пережаренной картошкой. Он официантку за руку хватает, говорит: «Слуший, давно дома не был, памаги – сядь рядом, посиди». Официантка садится. Он ест кусочек, другой, потом говорит: «Нет, не так. Сними туфли!» Ладно, сняла официантка туфли, он опять: «И чулки спусти». Она ему: «Как это, вы что?» «Слуший, давно дома не был, так скучаю, так скучаю, памаги!» Ладно, спустила. «И причёску растрепи!» – «Как это! Вы что!» – «Ну растрепи, я заплачу за всё!» Ладно, растрепала. Он пальцем по сковороде провёл, сажай ей щеку измазал и улыбается счастливо: «Вот теперь я – точно как дома!»

С мамой отношения у них были очень сложные. Я жила просто на поле битвы, где иногда наступали короткие периоды затишья. Просыпалась в детстве под перестук ножей и кастрюль, слыша шкворчание чего-то на сковородке, доносившееся с кухни, и под переругивание мамы с бабушкой. Все реплики бабушка подавала, стоя у плиты, а мама – перемещаясь по квартире в процессе сбора на работу – заходила в комнату, брала сумку, шла к зеркалу в прихожей – краситься, заходила в ванную за оставленными на стеклянной полочке с вечера шпильками, опять – к зеркалу в прихожей – укладывать волосы.

– Чем ты всё время недовольна? Что я всё время не так делаю? – с досадой в голосе восклицает бабушка.

– Ты неправильно готовишь. Слишком пережарила сырники. Это вредно.

– Жарь сама!

– Мне некогда. Я все-таки работаю!

– Как будто я не знаю, что такое и работать, и готовить – не во дворце выросла!

– При чём здесь во дворце! Конечно, всех мужиков в жизни разогнала, одна осталась – вот и зарабатывала сама!

– Да кто их разгонял! Ты что – ополоумела! Забыла, какое время было! Одного – в лагеря забрали, там и сгинул, никто не знает, где похоронен и что с ним, потому что был сыном священника, да ещё с польской фамилией. А при Сталине и за меньшее забирали! Твой отец – сам нас бросил в эвакуации, в Намангане, чтоб ему пропасть! Сбежал, я потом ехала с вами обратно, всю дорогу побиралась. Ребёнок в Намангане умер от малярии – брат твой, всё из-за него! А третий – гуляка был, выпить с друзьями любил, душа нараспашку. Завскладом работал в суворовском училище – его и подставили, когда ревизия была, и – тоже в тюрьму. Потом только справка пришла: «Умер в тюремной больнице», – и всё, ничего больше неизвестно. Я Лёву родила уже без него!

Всю горестную историю жизни бабушка рассказывает на одном дыхании за минуту, это происходит почти каждое утро, поэтому я знаю наизусть все перипетии этой непростой судьбы.

– Разогнала, разогнала, – отмахивается мама. – Остальных, может, и забрали или что там было, а моего отца точно выжила, не смог он с тобой ужиться, сама виновата!

– Ну как ты можешь! – бабушка начинает плакать.

Мама равнодушно подводит глаза чёрным карандашом.

– Ты в таком состоянии еду готовишь – так нельзя, энергетика еще передаётся – у нас у всех будет язва от твоей стряпни.

– Готовь сама!

– Хорошо, вот приду с работы и приготовлю. Не берись!

Я лежу в постели. За окном – летнее утро. Всё, что я слышу, почти не трогает меня, так же привычно, как шипение масла на сковороде. Я сотню раз слышала и про маленького маминого брата, умершего в двухлетнем возрасте в эвакуации, и бабушкино горевание о том, что он даже некрещёный был – мамин отец был учителем литературы, членом партии, и детей крестить было нельзя, мама крестилась уже взрослой, после того как вышла замуж за моего отца. А теперь за упокой младенца Владимира даже свечку в церкви нельзя поставить. И эта трагедия ложилась тяжким бременем на плечи всех выживших после той страшной войны. Мой дед – мамин отец – действительно бросил семью в Узбекистане, куда их эвакуировали после оккупации Ставрополя. А бросил там, как только услышал, что родной город освобождён. Эта тайна так и осталась нераскрытой – что там на самом деле между ним и бабушкой произошло. Что-то страшное, о чём она никогда никому не рассказала. Но он – уехал, да что там – просто сбежал от них, и в родном селе Новоалександровке стал рассказывать, что семья погибла во время бомбёжки. Мужчин не было, одни женщины в селе – он искал себе новую жену. Да тут бабушка сама, с двумя детьми – мамой и старшим сыном от первого брака, отцом которого был сгинувший в лагерях муж – сын священника с польской фамилией Лапинский – добралась сама с необыкновенными трудами и опасностями до родных мест. Свёкор со свекровью были потрясены. Но сына ругать не стали, приняли его решение, отправили бабушку в Ставрополь, нагрузив целую бричку деревенскими припасами – оранжевыми тыквами, яблоками, грушами, сушёнными на крыше под жарким солнцем сорок третьего года. И уже после войны бабушка дала себе зарок – родить ребёнка взамен умершего. Вышла замуж, да только муж попался непутёвый – любитель выпить, доверчивый завскладом, которого действительно посадили после ревизии, и с тех пор о нём не было ни слуху ни духу, только жалкая бумажка с

фиолетовым штампом и короткой отпиской: «На ваш запрос отвечаем: А. С. Братерский умер в тюремной больнице». Вот и всё.

А я лежу в постели, за окном – летнее утро, мама с бабушкой привычно переругиваются на кухне такими фразами, от которых у неподготовленного слушателя волосы на голове встали бы дыбом, но им – ничего, привыкли, и мне – ничего, я тоже привыкла...

Бабушка прожила восемьдесят пять лет. Держала на коленях своих правнуков. Маме так не повезло. Она умерла на пятнадцать лет раньше – в семьдесят. Бабушка была очень крепкая – почти ничем не болела, каждое утро она начинала с самомассажа – не вставая с постели, только открыв глаза, разминала пальцы, кисти рук, предплечья, плечи, потом садилась на кровати, растирала ноги. Перед сном она смазывала веки мёдом – он стоял у неё на полке в специальной кружечке. Читала газеты без очков лет до восьмидесяти. Но к концу жизни стала болеть. Как-то разом все её здоровье кончилось – упало зрение, ей сделали операцию на левом глазу, удалили хрусталик, она почти ослепла. Стала слаба, немощна. И всё это сразу, в один год, после моего замужества и рождения старшего сына.

Мама очень не любила старость. Терпеть не могла стариков. Бабульки в церкви её страшно раздражали. Она постоянно задавала вопрос:

– Неужели эти мерзкие бабки с отвисшими губами, сморщенные, недослышащие, недосидящие, – и попадут в Рай?

Её действительно это волновало. И она никак не могла заставить себя поверить, что они тоже когда-то были стройными девушками с тонкими талиями, длинными косами, со скромно опущенными глазками, которые могли так стрельнуть, да и соблазнить кого-то, кто наверняка теперь уже лежал в земле – мужчины-то в России живут намного меньше, чем женщины. Её злость на самом деле маскировала страх перед старостью – один из вариантов страха смерти. Но страх смерти она тщательно скрывала, от самой себя в первую очередь.

Мама любила завести разговор на эту тему. И тон её всегда при этом оставался шутиливо-весёлым, хотя в этом было много наигранности. «Умереть?! Ха-ха! Да хоть сейчас! Я готова к смерти. Не понимаю, как можно бояться смерти? Я хожу в церковь, исповедуюсь, причащаюсь и перед Богом предстать готова в любую минуту!» Ей, конечно же, тяжело было видеть дряхление и немощную старость собственной матери, тем более что она помнила её бодрой и энергичной женщиной. И она злилась.

Больше всего на свете сама бабушка боялась беспомощной старости и как апофеоза её – лежачего положения: паралича, обездвиженности. Помню, она часто повторяла: «Нет, лежать – это хуже всего! Если я пойму, что слегла, сразу подползу к окну и выпрыгну. Головой вниз – чтобы наверняка! Но лежать не буду!» Бабушка лежала весь последний год. И, разумеется, никаких попыток выброситься из окна не предпринимала. Врачи не могли определить её болезнь. Это был не паралич, нет. Но тело её стало как каменное. Она лежала, мама за ней ухаживала.

Последнюю неделю бабушка была без сознания, не принимала пищу, не пила – умирала. Сердце у неё было сильное – работало, хотя никаких других признаков жизни, кроме ещё редкого дыхания, не было. Мама спала на полу возле кровати, на которой та умирала. Просыпалась, прислушивалась, подносила зеркальце к губам, проверяла – дышит ещё или уже нет. Несколько раз принималась читать канон молебный «На исход души от тела». Но на середине канона бабушка опять начинала дышать.

Мы все измучились этим ожиданием смерти, видя в ней избавление от страданий – и наших, и бабушки. Хотя неизвестно – страдает ли человек в таком состоянии. И для чего это страдание нужно – что происходит с душой в это время? Двадцать третьего февраля у бабушки был день рождения, ей исполнялось восемьдесят пять лет – юбилей. На следующий день она наконец-то умерла...

Отпевали в церкви, которая видна была из окна комнаты, где окончился её земной путь, а через одиннадцать лет – и мамина жизнь. Помню скромные похороны. Несколько человек у гроба. Путь на заснеженное, запущенное кладбище по обледенелой дороге, комья стылой земли, стучащие по крышке гроба. Никто не плакал. Все испытывали грусть и облегчение. Дня через два мама позвонила мне: «Не могу! Чувствую себя такой виноватой, что положила маму в эту мёрзлую землю! Какой ужас! Если мне и суждено умереть, то только в тёплый день! Не хочу ложиться в холодную яму!» Это был один из редких случаев в жизни, когда она плакала...

...Или все началось с того, что мне пришла в голову идея написать пьесу о похоронах матери? Тогда ничто не предвещало её смерти. Почему мне пришла в голову такая дикая мысль?

Это сложно объяснить... Очень непросто жить с мамой, обладающей столь мощным характером. Каждое утро ожидать звонка: контролирующего, наставляющего, требующего отчёта. Она была главой, матриархом. «Включите немедленно «Культуру» – там показывают фильм о живой природе, пусть дети посмотрят, я потом с ними на эту тему поговорю», – приказывала она по телефону, и телевизор, конечно же, включался. «Почему тебя вчера вечером не было дома, когда я звонила? Опять была у соседок? Пила кофе и болтала? Это пустое времяпрепровождение не нужно никому – ни Богу, ни тебе, ни твоим детям», – вот так категорично. После этого каждый глоток кофе в гостях у соседки казался отравленным. Просмотренные фильмы, прочитанные книги обсуждались, и наши мнения должны были непременно совпадать с её, несоответствие воспринималось с ироничной усмешкой и недоумением.

К сорока годам я поняла одно: меня спасёт только «развод» с такой авторитарной мамой. Развод как отстаивание своего права думать то, что я хочу, и поступать так, как я считаю нужным. Обычно дети доказывают это право лет в четырнадцать. В нашей семье этот процесс необоснованно затянулся. Непросто быть дочерью психотерапевта.

Я начала с того, с чего начинают дети, достигая подросткового возраста – с мелочей: «Мама, мы не будем смотреть фильм о дикой природе – дети не хотят, и вообще они сейчас смотрят мультфильмы» или: «Мама, я устала общаться только с несовершеннолетними, и хоть иногда поговорить со взрослыми людьми за чашкой кофе – не преступление», и последнее: «Мама, я решила, что буду учиться на психолога».

Дело в том, что на факультет психологии я хотела поступать в семнадцать лет – после окончания школы. Нет, даже не так – я хотела поступать в Литературный институт, потому что с детства писала. На скучных уроках в школе я сидела и писала в тетрадке занимательные истории, где скакали мустанги, прекрасные ковбои спасали от индейцев смуглых черно-волосых красоток испанских кровей, а потом все были счастливы. Но вариант Литературного института даже не обсуждался. «Это не профессия – писатель, чем ты будешь на жизнь зарабатывать?» – отрезала мама. После этого я робко выказала желание стать психологом. Мама не позволила категорически: «Только не на психолога». Странно, почему? Её объяснение этому запрету было вполне обоснованным, логически оправданным и даже с необходимой подоплёкой – заботой о собственном ребёнке. Звучало это примерно так: «Я же всю жизнь работаю психотерапевтом, и это – ужасная работа! Нет ничего хуже, чем работать с людьми! Лучше – с букашками, цветочками, но только не с людьми! Я-то знаю». И я поступила на биофак.

Потом бесполезный диплом биолога пылился на шкафу в папке с бумагами. Я работала маникюршей в санатории, в маленьком курортном городе. В одиночку воспитывала пятерых детей и в сорок лет завершила запоздалый подростковый период собственным выбором профессии.

К чему я это всё рассказываю? Ах да, пьеса! Чтобы вам было понятно, почему мне пришла в голову такая странная идея – я решила показать, как сильно зла на маму. Зла, раздражена, обижена. А высказать всё, при наших отношениях, очевидно, могу только одним спо-

собом – после её смерти, в адрес бездыханного тела, лежащего в гробу. Потому что пока она жива, выслушивать меня она не будет. Любые попытки как-то выразить моё недовольство или просто несогласие, пресекались, телефонная трубка швырялась и мы не разговаривали месяцами. Много есть способов не слышать то, чего слышать не хочешь.

Я решила написать пьесу, достаточно одиозную, чтобы быть замеченной в наше время. По-моему, ничего подобного ещё не писалось и не ставилось на сцене. Чтобы как-то отделить действие от реальности или из суеверных соображений главным действующим лицом я сделала мужчину. Сюжет был таков: у героя умирает мама. Мать лежит в гробу, наступает ночь, время бдения у тела. Герой вначале плачет, мучается, потом начинает вспоминать жизнь, обиды... И всё возмущение, вся боль прошедших лет поднимается в нём, и все это выливается в страстный – обвиняющий, принимающий, прощающий, просящий прощения монолог, в котором, собственно, описывается вся жизнь, вернее две жизни – его и матери. Монолог обращён этим несчастным, тоже задержавшимся в подростковом возрасте, как и я, к маме, которая уже не сможет ни возразить, ни заткнуть уши, ни бросить трубку. Собственно, слышать его она тоже уже не может. Хотя как знать...

Такой вот дикий замысел. Но мне он нравился. Я полагала, что это будет очень шокирующий проект. Можно написать, разместить в Интернете, кто-нибудь из столичных режиссёров заметит, воспользуется, спектакль будет поставлен в Москве, о новой скандальной постановке расскажут в выпуске новостей на канале «Культура»... А мама так любит смотреть этот канал по телевизору. Она увидит пьесу и поймёт, наконец-то, мои чувства, и... Что будет дальше – воображение отказывалось предполагать.

Пьеса, конечно, не была написана. Некогда стало – работать, воспитывать пятерых детей и получать второе высшее образование непросто.

Конец августа – очень хлопотное время. Подготовиться к первому сентября, когда в семье пять школьников – это ежегодное испытание! Вот тогда-то этот сон и приснился. Он был первым в череде снов, предупреждавших о грядущей катастрофе. Так что всё началось, пожалуй, не с желания написать жуткую пьесу, а с него.

Во сне была поздняя осень – по крайней мере, мы были одеты в осенние куртки – я и мой ребёнок, не кто-то конкретно из моих детей, а просто мальчик лет пяти, который шёл рядом. Мама тоже шла с нами, и одета она была в простое закрытое чёрное платье. На отшибе, среди унылой пустоши с торчащими из снега остовами засохших кустов полыни и виднеющимся вдалеке голым перелеском стоял старый деревянный дом, по виду нежилой. В него мы и зашли. Внутри было мрачно, полутьма, а стены выкрашены тёмно-зеленой масляной краской – так в советские времена выглядели разные присутственные места: общественные туалеты, коридоры университета, ЖЭКи и суды. Мы ходили по лабиринту коридоров, лестниц, пустых комнат в поисках кого-то. В очередной комнате, куда мы вошли, вдруг распахнулась дверь в противоположном конце, и влетел – именно что влетел – так резво он бежал, адвокат Моргулис в белоснежном костюме. Это было неожиданно.

Пётр Моисеевич Моргулис – знаменательная личность в моей жизни. Он когда-то немало поспособствовал тому, чтобы я поступила в университет, очень мною при этом интересовался, несмотря на свой шестидесятилетний возраст и моё шестнадцатилетие, даже пытался банально сподить армянским коньяком, рассказывая запрещённую тогда в Советском Союзе «Лолиту» Набокова. Вероятно, очень ему хотелось пережить опыт Гумберта, да и наша разница в возрасте очень уж напоминала героев романа. Правда, когда я потом прочитала знаменитый роман про нимфетку и педофила, то была немало удивлена – и половины событий, философских размышлений и откровений, о которых поведал мне Пётр Моисеевич в порыве вдохновенного совращения провинциальной школьницы, в исходном тексте не оказалось. У него, конечно, история Лолиты не повторилась – не была я готова к таким экспериментам, да и не зависела от него так, как несчастная Лолита от своего отчима. Думаю, больше всего его заводило в этой

истории ещё одно совпадение с сюжетом: у них с моей мамой, несомненно, что-то было. Когда он отдыхал в Кисловодске, роман у них был, я думаю.

Через три года после моего поступления я узнала, что Пётр Моисеевич внезапно скончался от скоротечного рака. Но на этом наши отношения не закончились. Он продолжал снится мне регулярно накануне серьёзных событий в жизни. Вернее, сам не снился, а я говорила с ним во сне по телефону. То из телефонной будки, стоящей посреди пустынного здания аэропорта, залитого беспощадным солнцем, то по старомодному телефонному аппарату серого цвета в незнакомой комнате, все стены которой были завешаны коврами, то из холла роскошной гостиницы, где меня подзывали к стойке администратора и вручали белую трубку, в которой раздавался его голос. Все это бывало накануне важных событий: свадьбы, развода, очередного судебного процесса с бывшим мужем. Так что своим попечением он меня не оставил даже после смерти. Проводник. Хотел быть проводником в мир секса, а стал проводником в загробный мир. Эрос и Танатос.

Теперь же во сне Петр Моисеевич – счастливый, сияющий, в белоснежном щегольском костюме и с кейсом крокодиловой кожи в руках – влетел в эту убогую комнатку и с ходу воскликнул:

– Лариса! Наконец-то! Мы тебя так долго ждали! Вот, смотри, я всё принёс, что ты хотела.

С этими словами он шлёпнул кейс на стоявший в центре комнаты старенький стол, раскрыл его – там оказались какие-то бумаги с фиолетовыми печатями. Они с мамой склонились над ними, негромко беседуя, а я вдруг остро ощутила, что мы здесь лишние.

– Ну, мы пойдём? – спросила я.

Мама подняла голову, посмотрела на нас растеряннo и проронила:

– Да, идите, – и они продолжили что-то там рассматривать, читать, обсуждая с живейшим интересом свои проблемы.

Когда мы вышли на улицу, пошёл снег. К шоссе от дома тянулась грунтовая дорога. От мокрого снега её развезло, а местами уже начинало подмораживать. Так я и шла, крепко сжимая детскую ручку, то под ногами хлюпала грязь, то я начинала поскальзываться на льду, пока мы не вышли на асфальт. Тогда я обернулась, посмотрела на одиноко стоящий старый деревянный дом-развалюху и подумала с тоскливой тревогой: а с чего это мама там осталась? Но мы пошли дальше в быстро сгущающейся темноте и вышли к автобусной остановке, освещённой жёлтым светом уличных фонарей, на которой стояли люди. Подошла маршрутка, мы сели в тёплый светлый салон и уехали.

Я помню своё недоумение, когда проснулась. Все детали сна, все его составляющие были понятны. Старый дом и мы, уходящие от мамы, радость от встречи её с покойным другом и его слова, что её там долго ждали, грязь и лёд на дороге. Символы эти были понятны и очевидны. Откройте любой сонник, и вы поймёте, о чём я говорю. Так всё было очевидно, что и думать об этом не хотелось. Хотелось только поскорее забыть.

Через несколько дней за чашкой кофе я рассказала об этом подруге. Она была своего рода специалистом в толковании сновидений, иногда гадала на кофейной гуще. Выслушав мой рассказ, занервничала, отвела глаза:

– Не знаю, Таня, не знаю. Какой-то нехороший сон, но ты не парься, выбрось из головы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.